

Софья Сергеевна
Яковлева

СТИХИ

Софья Яковлева

Стихи

«Издательские решения»

Яковлева С. С.

Стихи / С. С. Яковлева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4496-1136-9

В книгу вошли избранные стихи и тексты песен на русском языке. Они собраны в сборники по времени написания. Рисунок автора.

ISBN 978-5-4496-1136-9

© Яковлева С. С.
© Издательские решения

Содержание

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ	6
Ночь приходит	6
Сон «осенний вальс»	7
И замкнут мир был как всегда	8
Откуда ночь приходит	9
БУКОВО	10
Колыбельная	10
Время застыло	11
Снежный сон Брейгеля	12
СОБИРАТЕЛЬ ЗЕРЕН	13
ЗИМА	16
Сто вёрст	16
Песня гор и степей	17
Волна	18
Как возникает свет	19
Пыль	20
Голос, город	21
НОВАЯ ЗИМА	22
Ожидание	22
Песня возчика	24
Письмо с дороги	26
СЕВЕРНЫЕ СКАЗКИ	27
Безмолвие	27
Северные сказки	29
На посещение школы	30
Офелия	32
Финская сказка	34
Переменчивый верх	35
Если он улетит	37
КНИГА ПУТЕШЕСТВИЙ	38
Пока мы здесь, пока мы пьём из чашек	38
Я sny разгадывать не смею	40
Моя пугливая природа	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Стихи

Софья Сергеевна Яковлева

© Софья Сергеевна Яковлева, 2019

ISBN 978-5-4496-1136-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

Ночь приходит

Ночь приходит. Кромешная, длинная.
Что-то шепчет своим ветерком...
Закрывается крышка старинная,
Запирается ржавым замком.
Ночь приходит. Слова приглушённые,
И конкретного смысла лишённые,
Понемногу затихли совсем;
Наблюдают за всем,
Не мигая, глаза отрешённые.
Добрый зверь с головою огромною
Положил свою голову тёмную
Поверх лап над водой, словно мыс
И над мордой его неподъёмною
Тёмно-палевый месяц завис.
Распластавшийся ветер качается
На лесистой спине.
Дышит зверь в тишине,
И чуть слышно бока поднимаются.
Ночь приходит. – И даже не верится,
Что земля ещё вертится.
Тусклым зеркалом озеро светится,
Огонькам зажигая ответ...
Тень как сажа:
Кто вступит – измажется;
И уже странной сказкою кажется,
Что когда-то наступит рассвет.

Сон «осенний вальс»

Кружит ветер, кости разминая,
Бабочки на клумбы не летят.
Жёлтая, психически больная,
Осень предьявляет листопад.

И лето, вздыхая,
Катится из двора.
Лишь ветер гоняет
Позднего комара.

Листья ив выделяют сальто,
Мух весёлых скрылись косяки,
Ёжатся и тлеют на асфальте
Хмурые осенние бычки...

И лето, вздыхая,
Катится из двора.
Лишь ветер гоняет
Позднего комара.

Сыпятся безжалостные шапки
С бледных, пожелтевших тополей.
Ветер выворачивает лапки
Паре припозднившейся своей.

И лето, вздыхая,
Катится из двора.
Лишь ветер гоняет
Позднего комара.

И замкнут мир был как всегда

И замкнут мир был как всегда,
Который, силясь разомкнуть,
Вытягивали в провода
И называли словом «путь»,
И приходили на перрон,
По слуху лязгами скребя,
Чтоб двигать чем-нибудь себя,
Намереваясь двинуть вон.
Воображенье окрыля
И рои мыслей нагоня,
Попутно ехала земля
Вкруг неподвижности меня,
И снова затихал песок,
Который возле шпал пророс, —
Покачивался лепесток,
Задетый вихрем от колёс,
И возвращались поезда
Из ниоткуда в никуда.

Откуда ночь приходит

Откуда ночь приходит,
Оттуда и рассвет.
А кто ко сну отходит,
Для тех и ночи нет.
Вращаются планеты,
Кружится мирночной,
И время как комета
Проходит стороной...
Рассвета ждать с тоскою
Не стоит у окна.
Придет он сам собою,
Разбудит ото сна.
Не бойся снов круженья —
В них нет и тени зла.
Они – лишь отраженье,
Кривые зеркала.
Вращаются планеты,
Кружится мир ночной,
И время как комета
Проходит стороной...
И что бы ни приснилось,
А день свое возьмёт:
Где солнце закатилось,
туда и ночь уйдёт.

94—96

БУКОВО

Колыбельная

Спи – усни. Упали капли
Брызжут точками в окно.
Там неслышно ходят цапли,
Там спокойно и темно.
Долгий вечер на сегодня
Затянули облака.
Там ладьею месяц ходит —
Он невидим нам пока.
Гром сверкает корабельный,
Гром далекий, потайной.
Звуки лучшей колыбельной
Ночь приводят за собой.
Слышишь, как они играют:
Рокот, шелест, перезвон...
Звуки дали раздвигают,
Отправляя в дальний сон.
Ярче музыка играет:
Не свернуться, не свернуть.
Ветер ветки раздвигает,
Открывая каплям путь...

Время застыло

Время застыло,
Лишь хлопья да линии
Двигутся в мире.
Так приближается,
Дышит стихийное.
В чуткой квартире
Звон тишины,
Замерев настороженно,
Слушают стены.
Так в тишине
Музыкант осторожный
Слушает тему.
Птица возникнет
Воздуху в лоб – и
Тонет в буране.
Падает музыка,
Двигутся, движутся хлопья
Как на экране.

Снежный сон Брейгеля

Странный сон из моего окна:
То скала проявится, то море.
Датский мост —
И снежная сосна
Над рекой
В хрустальном междугорье.
По мосту идут профессора,
И по снегу рассыпают книжки.
Их толпой из нашего двора
Помогают собирать мальчишки, —
И трясут от снега словари,
Из которых не прочесть ни строчки...
Там уже погасли фонари,
Полчаса каких-то до зари,
В сером небе – снеговые точки.

СОБИРАТЕЛЬ ЗЕРЕН

* * *

В сыром лесу из-под ног
Выпрыгнул буковый листик.
Лягушка.

* * *

В горы приходит весна.
На ветках жемчужные капли.
Распускается верба.

* * *

В воздухе кружат вместе птицы и листья:
Напоследок перед снегопадом
Ветер тревожит речные ивы.

* * *

Пора осенних ветров.
Быются в восточную стену
Отзвуки волн.

* * *

Тростинки в моем кувшине
Луна пусть высветит в полночь
Через окно.

* * *

Печаль неслышно подкралась.
Оглядываюсь в поисках причины.
Осыпает плоды дикая груша.

* * *

Тревожат запахи сада.
Дикой груши плоды
Падают с тихим стуком.

* * *

Чистое небо в горах.
Я и забыл, что такое
Бывает на свете.

* * *

Долгая-долгая ночь.
Шлёпаю босыми ногами.
Как бы не разбудить всех.

* * *

Верхушки сосен.
Лёжа смотрю в окно.
Как же там холодно.

* * *

Вдруг стало легко.
Пальцем пишу по циновке.
Следов не оставляю.

* * *

Вода и время
В камне проделали дырку.
Куриный бог.

* * *

Остатки снега
Ветер сдувает с южного склона.
День середины зимы.

* * *

Вчера лишь нападал.
Сегодня под солнцем уже —
Тончайшее кружево.

* * *

Тающий снег.
Хрупкую драгоценность
Топчу мимоходом.

* * *

Тёплый ветер.
Пусть он вас не обманет,
Зимние почки.

* * *

Весна! Весна! —
Кричит в январском лесу
Одинокая птичка.

* * *

Нитку жемчуга
Играя, рассыпала девочка наземь.
Так и выросла, не собрав.

* * *

(Осенним днём, по человеческому обыкновению, думаю о смерти.)

И вы, мошки, весело кружите.
Не с кем мне разделить

Мою трусость.

* * *

Мечтая о дальнем странствии,
В сумерках снова причаливаю
К доскам знакомым.

ЗИМА

Сто вёрст

Сто вёрст по реке, где день,
Где берег тенями соткан,
И движется солнце сквозь,
Склоняясь к исходу дня.
На синей от снов воде
Видна запятая лодки
Пустая, и два весла —
Я знаю, что для меня.

Оранжевый холст. Закат.
Весь мир – полоса заката,
И движется солнце вскользь,
Касаясь веслом реки,
И я тороплюсь за ним
Скорей пройти перекаты,
Пока не зажглись вокруг
Рыбацкие огоньки.

Но стиснут мой вдох – опять
Сжимаются стены зданий:
Смятение, побег, полёт,
А там догорел закат.
И некогда размышлять,
Простится ли опоздание:
На чёрном зеркале вод
Ответы ещё блещут.

Сто вёрст по реке. Волна
Неслышно плеснёт у борта,
И лодку обнимет ночь,
И вёсла потонут в ней,
Пока не возник рассвет
По краешку горизонта,
Пока не пришёл прибой
И ветер не стал сильнее.

Песня гор и степей

Светится полночь
Там, где костры,
Светится полночь лета,
Заводей, полных
Синей воды —
Синей воды рассвета.
Утро неблизко.
Заводы спят,
Кони переступают.
Руки не слышат,
Губы молчат,
Взгляд понимает.

Синие реки
Падают с гор,
Синяя степь дымится.
Самое время
Выйти в дозор
И обойти границы.
Над водопоем
Дремлет лоза,
Сытая тень мелькает.
Слух отмечает,
Видят глаза,
Взгляд — понимает.

Горы сложились
В звёздный узор
Выше полёта птицы.
Время покинуть
Дымный костёр,
Переступить границу.
Утро не встанет
Раньше меня,
Раньше, чем гасят свечи.
Если услышит
Топот коня, —
Выйдет навстречу.

Волна

Волна поднимается и уносит
Ста тысяч снов городские стены,
Углы осколков стекла, а в просинь
Швыряет брызги и клочья пены.
Волна обрушивается на башни
И высекает из них утёсы.
На расстоянии, где не страшно,
Над ними движутся альбатросы.
Волна поднимается, вырастая
Во всё пространство до небосвода.
От края его до другого края
Всё больше и больше уходит в воду.
Расплавленное стекло, металла
Жимолость в глубине прохлады,
Прожилки солнечного накала,
Блеск монолита и мириады
Звёзд обваливаются беззвучно,
Медленно-медленно, как в картине,
Не замечаемые благополучно,
Краски движутся по холстине.
Волна стеклом заливает веки,
Весь мир сжимается. За границей,
Вовне, с натугой кричат сквозь ветер
Невидимые морские птицы.

Как возникает свет

Как возникает свет. Из дома
Не раздаётся ни звука, только
Окна просвечивают закатом,
Издали кажется – светят сами,
И путь продолжается, но дорога
Вьёт неожиданные узоры,
Петляет и кружится, будто леска
Хочет вывернуться из пальцев.
Даль недоступна, как твердь полётов,
И отодвинутый было город,
За поворотомдохнув огнями,
Снова вырастет на горизонте.
Так продолжается путь, и снова
Будет навеки оставлен город,
Синие силы и сны тревоги
Кинутся на три полёта перед —
В утренний сон о прямой дороге,
В отблеск заката на светлом фоне.
Дом на обочине. Подорожник.
Из дома не раздаётся ни звука.

Пыль

Боль притаилась в запахе сладких
Полуденных трав, и лесной земляники.
Боль осторожно трогает лапкой
Как любопытный зверёк полудикий.

Она скрывается не в потрясениях,
Полных собственного содержания,
А в хлебе, купленном на воскресенье,
В мохнатой бабочке, в подражании

Лампы – солнцу, мятущейся тени —
Той же бабочке. В осторожном
Толчке электричества, в пересечении
Прожилок листа, то есть вен под кожей.

Боль отзывается в хороводе
Пустых дорог, в полудневном зное
К гортани прилипшего как песок
Безмолвия с запахами травостоя;

Из боли – в пыль, из пыли – обратно
В боль, как из лета – в пустую бочку,
В строку с повторенную многократно
Мыслью о том, что не будет больше

Этого тока, и дна, и жилы
Знают теперь, как ложиться в строки
Будут слова, как фрагментам жизни
Должно укладываться в пустоты,

Но бочка – замкнутое пространство
Досок, стиснутых обручами,
Воплощённое постоянство,
Даже ещё прочней, чем в начале,

И память – как пустота без края,
Перенасыщенная пустыня;
Ветер бесится, пересыпая
То, что как будто уже остыло.

Из боли – в пыль. В виде пыли можно
Перетерпеть, превратиться в плоскость,
Себя уложившую осторожно
В рыжем луче золотой полоской.

Голос, город

Голос, город, синий лёд
Рыбаки идут на клёв.
Реки выцветших ветров
Рыбакам сулят улов.

Голос. Город, три часа.
Скоро выпадет роса.
Тучи снежных оперений
Полетели в небеса,

Или это не полёт —
Белых тучек хоровод,
А на праздник в белых шубах
Отправляется народ;

И росинки на глазах,
Словно звёзды в небесах.
Звёзды выпали росой,
Отражаются в глазах.

Поезд едет, дом стоит,
В море дремлет Рыба-Кит,
Кто-то смотрит за полётом,
Шарик по небу летит;

Куст летит, летит окно,
Едет синее кино,
Уплывает в море рыба,
Вместе с рыбой едет дно.

Вот и поздняя пора.
В небо выросла гора.
Ночь пушится, поезд мчится.
Спать, наверное, пора.

НОВАЯ ЗИМА

Ожидание

Ожидания
Выжженная земля.
Сухим глотком
Горло отметит новый
Отрезок времени.
Тополя
Вонзились в небо,
И слишком похож на сверла
Их плоский ряд.
А мозг отмечает:
Стали
Ложиться тени на вещи,
На всё подряд,
И даже на небо.
И облака – из стали.

Экраны заполнены
Танцем взбесившихся волн,
Когда их,
Сдавленных,
Вдруг отпускают. К воле
Стремится сила
Сбывшаяся, и вот —
Полоски, пятна,
И старая плёнка, что ли —
Полоски, проблески...
Мир пропал вверх дном
И тёк,
Расплавившись,
В медленной вспышке света.
На фотографии
Замерший перед броском
Мир – только слышимость,
Музыка без сюжета,

Он весь из связок,
Весь из волокон. В нём
Нет ничего.
Только пить.
Только выжжен воздух
Ожидания
Лопнувшим узелком
В натяжении нитей.

Ослаблены связки. Поздно:
Мир напрягался
И снова собрался в ком,
Весь переплавлен
И снова наполнен. Поздно, —
Как устоять
Перед новым его броском.

Песня возчика

Скорее спать,
Чем что-нибудь другое.
Из колыбельных
Соткан круг земли. —
Так вижу я.
Согласные со мною,
В туманном море
Дремлют корабли,

И с песней вод
Почти что колыбельной
Несёт река,
Не ведая огней,
Во тьму долин
Свой сонный яд смертельный
И травы гнёт
Мелодией своей.

Так засыпают все
В пределах мира —
Ум каждого
Приемлет пустоту.
В нагретый воздух
Каплями эфира
Влит яд реки,
Прозрачный на свету.

Я вечно здесь.
Я тот, кто ожидает.
И каждого,
Кто спустится, везу,
А он сидит
И молча наблюдает,
Как льётся ртуть
Под волнами внизу.

Но что же ты
Так страшно смотришь в воду,
Покорно пьёшь
Снотворное вино,
Что превращает
В горную породу
Твои глаза,
Закрытые давно.

А мне не мил

Ни песен колыбельных
Пустой мотив,
Ни наговор воды,
Я был бы рад,
Когда б людей отдельных
Из смерти шаг
Прервал мои труды

Надолго,
Иль ненадолго... А впрочем,
Какое дело возчику. Я сам
Подчас дремлю
На вёслах вполночи,
Пока мой Stix
Струится по холмам.

Письмо с дороги

Лист неосенний,
Но сорван ветром
И брошен в воздух.
Потом такие
Текут завесой,
Но это – после.

Порыв короткий,
А лист кружился
И кувыркался,
И в пальцах-лодке
Он опустился
И задержался.

Потом с ладонью
Его качнуло
В едином слоге
И сдуло ветром.
А это было
Письмо с дороги.

Уже не глядя,
Но всё держу
Пустоту в ладони.
Смотрю на небо
Сквозь золотую
Прореху в кроне.

И в то же время,
Забыв пространство,
А с ним – аллею,
Тот неосенний
Держу в ладонях,
Читать не смею.

2000

СЕВЕРНЫЕ СКАЗКИ

Безмолвие

Безмолвие. Пустая полоса
Без облаков над самым горизонтом.
Вечерний воздух гасит голоса,
Им листья отзываются со звоном.
На вышках не горят прожектора,
На соснах спать устроились вороны,
А в воздухе всё меньше серебра,
И стронций крон стал охрой приглушённой.
Цвет сумерек запорошил глаза,
Ложится на зрачок тончайшей сеткой,
И странно так услышать голоса
Людей за железнодорожной веткой.

...

В пустом окне – как поневоле
Неслышно теплится свеча.
От жёлтой вспышки память боли,
Как капля воска, горяча.
И вспоминается зима,
Скрипучий сумрачный прохожий,
Своей структурой похожий
На деревянные дома,

На скрип тяжёлых старых брёвен,
Глухих фонарных сухарей,
И звук шагов его неровен,
Но оттого ещё слышней.
Сухие ветры в поздний час
Застыли снегом в подворотне,
Но из неё, как день субботний,
Подспудно действуют на нас.

Пушай затянется прощанье.
Звёзд полон мир, деревья спят;
Глаза отыщут, как вначале,
И отрешённо разглядят,
Слегка слезясь от снежной пыли,
Как быстро движутся ветра,
И медленно – автомобили,
Снег наметён на номера.

А после, утром, в час, покатый,
Как освещённой горки склон,

Когда ветра, свернувшись, спят, и
Воспринимаются как сон, —
Снег станет спёкшийся и твёрдый,
И ноги сами поведут
Туда, где львы с печальной мордой
Немую память стерегут.

Северные сказки

Будь краток. Пути не видно
Пока не наметишь словом,
Когда же одно растает,
Другое придёт за первым.
В Суоми, где ловят рыбу
И кормятся лишь уловом,
Родятся лесные сказки
Под ветра гудящим нервом.

Ведь там даже рыба может
Поведать пять тыщ историй,
И если ты их услышишь,
То будут тебе наградой
Открытые настезь дали,
Где птицы срывают гроздь.

Оброненную уложат
На дно прохладного моря,
Чья пена шипит и дышит,
И принимает всё, что...
Только ты сам не падай,
А будешь – так падай оземь,

И ветер тебя подхватит,
Тогда уж не бойся взлёта
Но успокой дыханье
И плавай как в речке летом,
И ветер тебя поднимет
Аж на три минуты лёта
И радостными кругами
Возьмётся носить над лесом,

Пока его караваны
Свой дальний путь не наметят,
И гулкие барабаны
На зов его не ответят.

На посещение школы

Возвращение в школу
похоже иссохшим кашлем
На когда 39,
и стены, качаясь, лезут
С потолком сообща,
безобразно сужаясь, на шлем;
Блок сознания вдавлен
и вывернут бесполезно.
Шкуродёр коридора,
сужающийся до хруста
О саднящую кожу
чужой как железо ткани,
Голой лампочкой бредит
о том, что в пространстве пусто. —
Пустота отвечает
за стенкою голосами,

До которых вот-вот.
Полых лестниц пролёты гулки,
Голоса каждый раз
задвигают себя за стены.
Как ни страшны их гулко
зовущие закоулки,
Но сознание толкает
и требует перемены.
Наконец-то дверьми
пустой коридор ощерен,
Белоснежные плоскости
вторят друг другу звонко.
Пальцы входят
Знакомым движением в ручку двери —
Плоскость, плюнув, отходит,
подвижная как картонка.

И тотчас навалилось
забытое слово «парта»,
Всё в прохладной пыли,
что есть бывшие пот и плесень.
Вон прилипший к стене
грубоватый портрет Декарта,
Разъярённый, как слон,
наступивший на горло песне.
Я уже не её,
от меня она не таится,
В голых клетках видны
неприкрытые вакуоли,

Всё плывёт, всё живёт;
у всего есть глаза и лица —
Боже, боже,
и это считалось родным до боли!

Ни предмета родного
в живом по безлюдью доме,
Всё чужое, с неясным /и бред один/
назначеньем,
Узнаваемо, факт,
но теперь уже незнакомо,
Правда, слишком реально, чтоб быть
простым наважденьем.
Сверху тот же эффект присутствия:
равнодушно
Наблюдают ещё
не треснутые белила,
То есть бельма сущности,
вырвавшейся наружу.
Это школа, твержу себе,
значит, вот так это было...

Офелия

На родине, зол и краток,
Щегол, повторясь, поёт
О том, что так жаль солдаток,
О том, что солдат умрёт,
А здесь не тронуты воды
Краями их котелков.
Как слитки живой породы
Шныряет ничей улов.

Пустое тело опушки
Под маревом дённым спит.
Могли разместиться пушки.
Чудесный батальный вид.
Олень закликает самку,
Закончив удачный бой.
Художник бы вставил в рамку,
Охотник – забрал с собой.

Но нет никого на свете,
Лишь только зверьё, да я.
Я как-то спросила ветер,
А он говорит: нельзя.
А что, говорит он, люди —
Мне ведома эта новь,
Ведь снова житья не будет,
Лишь нечто, рваное в кровь.

И я соглашаюсь с ветром.
Я знаю, что ветер прав.
Бежит по тончайшим веткам,
По самым головкам трав
Отчаянный ветер воли.
Стократно он прав. Сама
Я помню так много боли,
Что легче сойти с ума.

Летящая стая уток
На крыльях несёт покой.
Мне даже сдаётся, будто
Он связан со мной одной.
Что это во мне все птицы,
И рыбки снуют на дне,
Мир втиснут в мои границы,
И это вот тут, во мне,

Деревья – смола и камедь —

Приют для всего зверья,
И здесь же гнездится память,
Пустая, как тень моя.

Финская сказка

Снежно-слепающая глыба
Стала закатом, и вот
Лунная облако-рыба
Прямо на солнце плывёт.
След самолётный протянут
Лентою в гладких полях,
Следом тем движутся сани,
Кто-то кемарит в санях.

В небе закатная дымка
Углями тихо горит.
Угли те старая финка
Палкой своей ворошит.
Снежная поступь упряжки
Смолкла, и сосны скрипят.
Кто-то хлебает из чашки,
Чем-то олени хрустят.

Жар загасив понемножку,
Встанет волшебница-ночь,
Примется звёздную крошку
В ступе небесной толочь.
По снегу длинные тени,
Лунные тени легли.
Там за упряжкой оленьей
Сани мелькают вдали,
Едут под тихое пенье,
Едут до края земли.

Переменчивый верх

Переменчивый верх
Переменит своё положение,
Стоит только взглянуть
Чуть прицельней в конкретную сторону.
С изменением вех
Кверху крыльями плавают вороны,
Разве только по ним
Попытаться найти направление.

Человек, человек,
От дороги до дерева вычерчен
Только солнечный луч,
Да шербатая тень будет к вечеру,
Станешь падать – нырнёшь,
Захлебнёшься,
А кто тебя вытащит —
Только крылья твои,
А без них тебе делать здесь нечего.

Да и сбиться легко,
Если всё одинаково белое.
По дрожащим полям
Солнце катится силою трения
И уйдёт в молоко...
Впрочем, знаю, таким его делает
Круговое моё,
Кружевное по-зимнему зрение.

И опять же смотрю —
Вверх ногами висит моё дерево,
Прикреплённое к небу
За тонкую грань, как черешневый
Золотой черенок,
От которого ветками веревы
Расторчались крахмально,
И их нитяные наверхия.

Переменчивый вдох
То и дело сменяется выдохом,
Осыпая перо,
В ветку птица вцепляется пальцами.
Снова следует выдох.
Сознание цепляется.
Пауза.
Притяжение вверх.
Отрываюсь от дерева.

Падаю.

Если он улетит

Если он улетит – останется звук крыла,
О натянутый ветер трущийся шорох перьев,
Да ещё – стёршийся добела
Разорванный ворох веревок.

2001

КНИГА ПУТЕШЕСТВИЙ

Пока мы здесь, пока мы пьём из чашек

Пока мы здесь, пока мы пьём из чашек
Дымящиеся терпкие составы,
За стенами качнётся и ударит
Тот самый ветер, прижимая травы,
Расплющивая тонкое железо,
Швыряя в землю хрупкими ветвями,
Пришедший выметать, свистеть по срезу,
А если мы готовы – и за нами.

Или не взять, но вымести до донца,
От самых глаз до глиняного днища,
От самого (невидимого) солнца
До древнего пустого городища.
Перед собой гляжу и обмираю.
Ни в руку взять, ни перебрать страницы.
Давлением прижато тело к краю,
И оттого же – там – немеют птицы.

Большой, шершавый, старый дом опешил,
Как будто первый раз ему такое.
Вся дрянь, которой год его обвешал,
Сдаваясь, исчезает в общем вое.
Рыдая, надрываются шакалы
На берегу невидимо и звонко,
Плетут узор, перемежают шквалы
Так страшно, так похоже на ребёнка.

И весел плач, он, стелясь, подступает,
Дразня собак, играя с ветром пару
И с тем, что в клочьях туч напоминает
Подбитую, притушенную фару.
Здесь, в доме, тоже весело и страшно.
Я шарю удивлённою рукою,
Не глядя, по стене, чтобы пространство
Ответило немедля темнотой.

Но мир в окне до самой тонкой ветки
Как светом электрическим просвечен.
Он долго не позволит смежить веки,
И сон придёт под утро, незамечен,
Когда от ветра воздух станет тонок,
Ещё готов выдерживать порывы,
Но ветер, наигравшись как ребёнок,

Развоплотится в такты и наплывы.

Над утренней чуть светлой полосой
Деревья руки вытянут устало,
И ветер, усмехнувшись, с быстротою
Немыслимой дойдёт до перевала.
Свет завладеет всем стеклом оконным,
Пока мы пьём дымящуюся воду
И смотрим с пониманьем затаённым,
Как что-то в нас выходит на свободу.

Я сны разгадывать не смею

Я сны разгадывать не смею,
Но только станет свет неявен,
Ночная бабочка, нимфея,
Мерещится уже вне яви.

Освобождённый от конвоя,
Дух отлетает в одиночку.
Скользит над новою землёю
Сознание, собранное в точку,

И смотрит разум удивлённый,
И приложенья не находит.
Свободно дух новорождённый
Один в пустынном мире бродит,

Пока сосуд его смиренный
Чуть слышно веками поводит.

Моя пугливая природа

Моя пугливая природа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.